

ПРИБЛИЖЕНИЕ К П.М.БИЦИЛЛИ: ЗАМЕТКИ И РЕМАРКИ (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

*...помимо обычной, «анкетной» истории
мыслителя всегда существует еще
собственная история его идеи.*

Э.Ю.Соловьев

Ремарки предваряющая. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953) оказался среди тех, многих, кто не был «услышан» при жизни. Издав свою книгу «Элементы средневековой культуры» в один год - 1919 — с книгой голландского историка И.Хейзинги «Осень Средневековья», П.М.Бицилли, в отличие от своего концептуального единомышленника, остался в забвении. Ныне интерес к его личности и трудам уже сформировал самостоятельный поисковый ландшафт. Болгарская исследовательница Т.Н.Галчева справедливо заметила, что «творчество П.М.Бицилли искушает новым прочтением...»¹.

Сегодня с полной уверенностью можно сделать вывод: Петр Михайлович Бицилли принадлежит к тем ученым, масштабность наследия которых возрастает по мере приближения к ним.

Историографический контур. На протяжении 1990-2000-х годов, на наш взгляд, происходит институционализация **бициллиеведения** как относительно автономного, полидисциплинарного по структуре и многонационального по составу репрезентантов научного направления. В формирующееся научное сообщество бициллиеведов входят: историки, филологи, культурологи, политологи, социологи и др. из разных стран: Болгарии, Германии, Израиля, России, США, Украины и т.д.

Бициллиеведческий процесс включает, на наш взгляд, четыре *периода*.

I. Хронологический диапазон 1913-1953 гг.: от выхода первого «отклика» на печатные труды П.М.Бицилли до года его кончины и публикации единственного «Некролога» («Исторически предглед», 1953). Это - время преимущественно рецензий на работы ученого, вышедших в одесский период и в годы эмиграции, кратких информационных сведений биографического и библиографического характера в научной повременной

и периодической печати (Болгарии, «Запада» и СССР), в изданиях Софийского университета и проч. Пожалуй, только в тексте «Некролога» предпринято осмысление личности ученого и его вклада в науку. «Некролог» становится первым историографическим обобщением и, закрывая начальный период, открывает следующий.

2. В рамках 1950-х - 1980-х гг. - периода «неоднородного», требующего тщательного анализа, - обращение к личности и творчеству П.М.Бицилли было фрагментарным и характеризовалось значительным изоляционизмом не только в координатах «восток-запад» (символически), но и в границах болгарской и советской науки. Однако именно в это время намечились основные линии в развертывании бициллиеведческого процесса: 1) расширились жанры публикаций: предисловия и комментарии к переизданиям его трудов (в первую очередь, на Западе); биографические справки в университетских изданиях, учебниках по историографии и т.п.; библиографические сведения в официальных библиографических изданиях; юбилейные статьи; публикации мемуарного и эпистолярного характера; первые исследовательские статьи и проч.; 2) вырос «индекс цитирования» в работах филологов, историков, философов - определился междисциплинарный интерес к творчеству П.М.Бицилли; 3) материалы о П.М.Бицилли вошли в университетские курсы на Западе, в Болгарии и СССР (по истории исторической науки: М.Н.Велева, Софийский университет; И.В.Завьялова, Т.Н.Попова, Одесский университет и др.); 4) была предпринята попытка изучения творчества П.М.Бицилли в рамках специализированных структур: «Историографической комиссии» М.Н.Велевой (Софийский университет); в работе первой проблемной группы студентов по изучению истории исторической науки на ис

торическом факультете Одесского университета (конец 1980-х гг.; руководитель Т.Н.Попова) и др.

5. С рубежа 1980-1990-х гг. сначала на волне «перестройки», затем под воздействием геополитических трансформаций, повлиявших на историографическую ситуацию, ученые стран Восточной Европы, а также представители научных кругов «диаспорных пространств» резко изменили фокус своего исследовательского интереса: фигура П.М.Бицилли оказалась в эпицентре различных поисковых мотиваций. Кризис идентичности и поиски социокультурной, политико-идеологической и историографической самоидентификации во многом детерминировали «Ренессанс» бициллиеведческой тематики в болгарском, российском и украинском научном поле. 1990-е годы не только сформировали главный объект историографического анализа - появился массив разнообразных переизданий трудов П.М.Бицилли, были активно включены в исследовательскую работу сохранившиеся в библиотечных фондах разных стран оригинальные издания, но и определили основные направления бициллиеведческих исследований: археографическое, биографическое, литературоведческое, лингвистическое, культурологическое, проблемно-историческое и т.п. Среди особо значимых показателей бициллиеведческого процесса на третьем этапе: 1) републикация многочисленных работ П.М.Бицилли отдельными изданиями, в специальных сборниках (персоналистического, тематического характера), в периодике - научной и публицистической; 2) публикации библиографий, в частности - систематизация литературы о творчестве ученого, что позволило очертить контуры формирующегося сообщества бициллиеведов, обозначить «кто есть кто?» среди исследователей, определить их географию, выделить основные историографические ландшафты бициллиеведения²; 3) выход первых обобщающих статей, проблемно охватывающих весь творческий путь ученого, анализ его наиболее значимых трудов, формулирование концептуальных оценок его научного наследия; 4) проведение первых специализированных конференций (Одесский университет, 1999)³; 5) с 1990-х гг. можно говорить и о начале саморефлексии среди бициллиеведов, об осмыслении траектории бициллиеведческого процесса.

4. Эти, четко определившиеся, тенденции позволяют констатировать с рубежа 1990-х - 2000-х

гг. переход к новому периоду в развитии бициллиеведения, для которого характерны: 1) выход первых книг, объемных очерков и специальных разделов в монографических изданиях, посвященных П.М.Бицилли; 2) защита диссертационных исследований; 3) публикация качественно новых библиографий; 4) расширение дидактической литературы с включением трудов П.М.Бицилли; 5) появление многочисленных статей в справочных и энциклопедических изданиях; 6) создание специального сайта в Интернете; 7) проведение первой международной конференции (Одесса, 2007)⁴; появление историографических обобщений — первых версий осмысления истории бициллиеведческих исследований⁵ и проч.

Параметрический подход к бициллиеведческой историографии как относительно компактному блоку исследований позволяет (с известной долей условности) выделить:

1) *по географическому параметру* - принадлежности бициллиеведов к конкретным национальным историографиям - три ведущих структурных раздела («историографические ландшафты»): болгарское, российское и украинское бициллиеведение с различной степенью когерентности; представители иных историографических пространств (среди них такие крупные фигуры как Марк Раев /США/ и М.А.Бирман /Израиль/) в большей мере выступают в рамках «персональных маршрутов»;

2) *по хронологическому параметру*: работы, посвященные творчеству П.М.Бицилли, вышедшие при его жизни; в 1950-1980-е гг.; с рубежа 1980-1990-х и на протяжении 1990-х гг.; с рубежа 1990-2000-х гг. по наши дни;

3) *по дисциплинарному параметру*, археографическое (выявление и публикация работ); библиографическое (создание сводных библиографий); биографическое или биоисториографическое (реконструкция его жизни и творчества, анализ трудов и оценка его вклада в науку: историческую, филологическую и проч.); филологическое — литературоведческие и лингвистические исследования; культурологическое, социологическое, политологическое и проч.

4) *по видам публикаций (жанру), специфике информации о П.М.Бицилли*: статьи (в том числе в словарно-энциклопедических изданиях), тезисы докладов, заметки, комментарии к публикациям трудов П.М.Бицилли; комментарии к публикации его документов; преамбулы и послесловия в изданиях работ Петра Михайловича;

библиографии; очерки; эссе, диссертационные исследования; дидактическая литература; газетные публикации; Интернет-сайты и др.

5) *по проблемно ориентированным направлениям*: в контексте изучения истории научной эмиграции; в контексте истории исторической науки и университетского исторического образования; в контексте истории идей (интеллектуальной истории), истории евразийства и т.д.

Изучение творчества П.М.Бицилли осложнено рядом моментов: *во-первых*, значительным объемом научного наследия ученого (в том числе - рукописного), далеко не полностью выявленного (особенно в газетных и журнальных изданиях), и отсутствием на сегодняшний день единой полной научной библиографии; *во-вторых*, внушительным массивом опубликованных и рукописных трудов П.М.Бицилли, написанных на русском, болгарском, сербском, чешском, французском, английском, итальянском и немецком языках, что требует от исследователей исключительной эрудиции; *в-третьих*, «точечным» характером подходов многих исследователей, обращающихся к творчеству Петра Михайловича в конкретных аспектах, отсутствием в современной литературе комплексного анализа всего наследия ученого; *в-четвертых*, спецификой этих подходов, обусловленных проблемным и дисциплинарным ракурсом восприятия, «зависимостью» от историографических традиций, теоретико-методологических концептов и проч.; *в-пятых*, сложностью с источниковой базой: «разбросанностью» материалов о жизни и творчестве П.М.Бицилли по архиво- и книгохранилищам разных государств, невыявленностью всех *e%a-* документов в личных архивных фондах и т.п.; *в-шестых*, «разобщенностью» исследователей творчества П.М.Бицилли не только на межгосударственном и дисциплинарном уровнях, но и в пределах отдельных «историографических ландшафтов»; *в-седьмых*, ограниченностью информационного поля и практическим отсутствием коммуникационных форм и проч.

Современное бициллиеведение, делающее первые шаги по пути своего конституирования с «чувством первооткрывателя» и неизбежной в этом случае гипертрофией позитивно-оценочных суждений (отнюдь не бесосновательных!), сформировало и первую версию историографической репутации Петра Михайловича Бицилли. Все ученые, вне зависимости от национальной и дисциплинарной принадлежности, определяют П.М.Бицилли как выдающегося мыслителя, «пионера» историко-психологических и культурологических методов, исследователя-энциклопедиста, оставившего заметный след во многих областях гуманитарного знания: философии, истории, социологии, политологии, теоретической лингвистике и проч.

Его творчество соотносят с кругом «идей и интересов» петербургской культурологической школы медиевистики, основателем которой был И.М.Гревс. По ряду позиций П.М.Бицилли определяют в качестве предшественника Ж. Ле Гоффа и А.Я.Гуревича, поскольку российскую медиевистическую культурологию первых десятилетий XX века предлагают рассматривать в «глобальном контексте

«Анналов». Для творчества П.М.Бицилли, талантливого педагога и исследователя, характерны: масштабность изысканий, широчайший диапазон проблематики, оригинальность интерпретации, обилие парадоксальных мыслей, концепций и гипотез; высочайшая научная культура - исследовательский синтетизм, виртуозный анализ текстов, многогранная эрудиция, полидисциплинарность и проч. Работам П.М.Бицилли «присуща своеобразная магия органичного универсализма», точность, красота и изящество в развертывании мысли⁶.

Абрис биографии. Жизненный путь П.М.Бицилли включает три периода, исходя из географии его проживания. Первый - одесский (1879-1920), второй - сербский, или югославский (1920-1923), и третий - болгарский (1924-1953). Каждый из этих периодов специфичен своим наполнением, но все они связаны единством творческой индивидуальности Петра Михайловича. Особая роль в понимании становления П.М.Бицилли как профессионального ученого принадлежит первому - одесскому - периоду.

Сорокалетие одесского периода в жизни П.М.Бицилли не было благополучным восхождением к вершинам академической карьеры. Он поздно «состоялся» как ученый-исследователь: первые его публикации относятся к 1912 г., когда Петру Михайловичу было уже тридцать три года. Окончив в двадцать лет гимназию (1899), молодой Бицилли не сразу нашел свой путь в жизни: историческое образование он выбрал с 1900 - после года обучения (с 1899) на юридическом факультете Новороссийского университета. Дважды исключался из университета (1902, 1905), окунувшись в бурную жизнь «революционного» сту

денчества; из-за этого же год «потерял» в армии (1905/1906), лишившись привилегий студенческого статуса. Только в двадцать семь лет (1906) П.М.Бицилли получил диплом специалиста-историка, в науку пришел еще через два года (1908), став «профессорским стипендиатом» по кафедре всеобщей истории, приват-доцентом которой был утвержден только в 1911 году. Слабое здоровье в детском и юношеском возрасте, «революционное кружение» в студенческие годы, сложности семейной и личной жизни - все это, безусловно, задержало становление Петра Михайловича как ученого. Его жизнь была заполнена значительным количеством учебных занятий, необходимостью дополнительных заработков (работа в Политехническом институте, гимназиях, на Высших женских курсах) - это отвлекало от научных исследований. Немаловажным фактором явилось и то, что П.М.Бицилли оказался, фактически, без «школы» и настоящего руководителя.

Увлечение антиковедением, вероятно, из-за отъезда профессора Э.Р. фон Штерна в Германию (1911) не получило квалификационного завершения (защиты диссертации по античной тематике), хотя нельзя сказать, что П.М.Бицилли не состоялся как специалист по проблемам античной истории: его работы антиковедческой направленности - высокопрофессиональны и оригинальны своими идеями и подходами. Значительное влияние Е.Н.Щепкина на формирование исследовательской позиции П.М.Бицилли все-таки было дискретным из-за отсутствия постоянных творческих контактов между ними (политическая деятельность Евгения Николаевича не способствовала осуществлению перманентного научного руководства). В.Э.Крусман (также 1879 года рождения) был в большей мере другом - авторитетным, получившим хорошее «научное воспитание» (школа историков Санкт-Петербургского университета), который, скорее всего, сориентировал П.М.Бицилли на медиевистическую проблематику, близкую к культурологической школе И.М.Гревса, но все-таки не смог стать тем, кем для учеников Ивана Михайловича был их учитель. Общение с представителями школы И.М.Гревса и им самим, вероятно, сыграли значительную роль в культурологической направленности медиевистических исследований Петра Михайловича.

Защита магистерской диссертации П.М.Бицилли состоялась только в 1917 году. В сентябре этого же года он стал штатным доцентом Новороссийского университета, в апреле 1918 года был избран на должность ординарного профессора Саратовского университета, занять которую ему не пришлось. В сентябре 1918 и в мае 1919 года (учитывая два кратковременных периода советской власти в Одессе) по инициативе уже «красного» профессора Е.Н.Щепкина Петр Михайлович был избран на должность профессора реорганизованной Высшей школы г. Одессы; с 6 сентября 1919 года был утвержден исполняющим должность экстраординарного профессора (опять «белого») Новороссийского университета.

Социальные катаклизмы 1917-1920 годов круто изменили судьбу Петра Михайловича именно в тот момент, когда он вошел в период свой творческой зрелости. Он так и не стал доктором наук (и «полным»

- ординарным профессором), и отнюдь не успел приобрести «всероссийскую известность»⁷, что существенным образом повлияло на его эмигрантскую судьбу, хотя в научном сообществе о П.М.Бицилли уже знали.

О наставниках. Среди трех основных научных наставников П.М.Бицилли в Новороссийском университете особую роль в формировании его творческого облика, на наш взгляд, сыграл Е.Н.Щепкин⁸. Статья, написанная П.М.Бицилли к 30-летию научной деятельности Е.Н.Щепкина (1916), - образец глубокого историографического анализа, осуществленного уже профессионально зрелым ученым, стремящимся сквозь призму «образа другого» определить собственное кредо.

П.М.Бицилли считал, что для исследовательского почерка Е.Н.Щепкина характерны самостоятельность и нестандартность мышления, что нашло свое выражение в проблемной ориентации, в независимости от общепринятых нормативов историографической традиции и, наконец, всегда в новом подходе к решению т.н. «старых» тем. Проблематика научных интересов Е.Н.Щепкина, специалиста по всеобщей истории, несмотря на кажущуюся разнородность, подчеркивал П.М.Бицилли, всегда относилась к той области познания, «...где «русская история» граничит со «всеобщей»⁹. Изучение историко-юридических нормативов древней Руси, происхождение Лжедмитрия I, Семилетняя война — все эти проблемные линии, охватывая различные регионы, одновременно вписывались в общеевропейский контекст и рассматривались Е.Н.Щепкиным на источниковом материале разнообразного национально-государственного происхождения. Специфика его подхода заключалась в том, что

и сама тематика, и ее решение всегда были, отмечал П.М.Бицилли, направлены «против течения». Е.Н.Щепкин, глубокий знаток историографических традиций, выступал за пересмотр устоявшихся мнений, предлагая всегда собственное оригинальное видение проблемы и не следуя «методологической моде». Глубокое понимание им методологических новаций и общих тенденций в развитии теоретической мысли в исторической науке нашло отражение в курсах по методологии истории, читаемых Е.Н.Щепкиным в Новороссийском университете и на Одесских высших женских курсах¹⁰.

Работы Е.Н.Щепкина, как правило, были посвящены т.н. «старым» вопросам, уже имеющим обширную литературу. Е.Н.Щепкин как исследователь не выдвигал новых проблем, но сознательно искал такие «оазисы», на разработку которых уже было затрачено много усилий его предшественников. Свою задачу он видел в том, чтобы при решении «старых» проблем заменить «экстенсивное научное хозяйство» - «интенсивным». Новый ракурс, новый подбор источников, новая трактовка фактов и, в итоге, - новое качество решения вопроса - в этом заключалась специфика исследовательского почерка Е.Н.Щепкина. П.М.Бицилли верно раскрыл отличительную черту Е.Н.Щепкина-исследователя: «...он прежде всего историк-методолог»¹¹. «Мастерство метода», новый, всегда нестандартный взгляд на «старые» проблемы, тщательный анализ всего комплекса источников, широкий сравнительно-исторический обзор материалов, всегда свой собственный путь - «слишком крутой», для того, чтобы нашлось много «охотников» следовать за ним, - все это привлекало Петра Михайловича в Е.Н.Щепкине. П.М.Бицилли восхищался исследовательскими приемами, которые использовал Е.Н.Щепкин, и сам пытался следовать за ним в работах, посвященных сравнительному анализу «русских» и «западных» источников - «Западное влияние на Руси и Начальная летопись» (1914), «Новгородское сказание о 1У крестовом походе» (1916) и др.

П.М.Бицилли считал, что Е.Н.Щепкин предъявлял к собственной работе историка-исследователя высочайшие требования. При таких требованиях невозможно «...писать «легко» и писать много»¹². Приоритет Метода, широкая источниковедческая основа даже «мелкого» исследовательского вопроса, независимость от устоявшихся историографических традиций — этот подход к науке стал для П.М.Бицилли эталоном.

В 1917 году В.Э.Крусман, характеризуя П.М.Бицилли как ученого, выделил, фактически, те же черты, которые признал для себя значимыми сам Петр Михайлович, анализируя творческую индивидуальность своего учителя. П.М.Бицилли, отмечал В.Э.Крусман, свойственна научная добросовестность, самостоятельность, нестандартность мышления («отклонение от обычных для тех или иных научных произведений трафаретов»), широкий кругозор (проблемы западноевропейской и русской истории), исследовательская глубина, скрупулезный анализ источников. Сам Е.Н.Щепкин также признавал за П.М.Бицилли исследовательскую самостоятельность. В отзыве-рекомендации на должность профессора Евгений Николаевич писал о

своем ученике: к установившимся в историографии схемам, он «всегда умеет прибавить свою ретушировку, ... несколько новых черточек»¹³.

О специфике индивидуального маршрута. Анализ нарративных источников и проблемы исторического познания, происхождение исторической науки и «изображение» истории в сочинениях историков разных эпох и направлений, факторы, детерминирующие историческое творчество, и проблема «историографических штампов» - вот главные линии, сплетающие узор научных размышлений П.М.Бицилли в эти годы. Наиболее выпукло обозначено проблемное поле исследований интересов Петра Михайловича в небольшой статье «Общественные движения в изображении средневековых историков» (1917). Анализируя историографические традиции авторов средневековых хроник, определяя типологию историографических схем, выявляя факторы, влияющие на формирование того или иного нарративного текста, он делает вывод о том, что наличие «общих мест и готовых формул» в средневековой исторической литературе при изображении каких-либо исторических событий, в частности, общественных движений, - факт общеизвестный. Историк обязан учитывать «пагубное влияние» этого явления на достоверность отображаемых событий. Историография позднего средневековья дает многочисленные примеры «схем и шаблонов», которые менее очевидны и поэтому более опасны своей мифологичностью, искажением реальных событий. Известны шаблоны характеристики отдельных личностей, шаблоны в описании битв, чудес, торжеств и проч. Среди них и схемы описания общественных движений.

1 фимеры схематизации средневековой историографии для П.М.Бицилли - отправной момент для размышлений о сущности воспроизведения исторических данных, об «изображении истории». Все многообразие феноменов «исторической жизни», считает П.М.Бицилли, историк в состоянии «обнять лишь бессознательно упрощая воспринимаемое». При этом, чаще всего, используется метод «узнавания» в «новом» — «старого», т.е. подведение нового материала под уже готовые «рубрики». А это неизбежно влечет за собой подчинение в сознании автора нового материала готовым схемам. Если какой-либо комплекс явлений напоминает автору «революцию», «реформацию», «реакцию» и т.п. - невольно появляется желание отыскать в рассматриваемом явлении черты уже известных ранее «революций» и т.д. В средневековой историографии все это «делалось грубее и наивнее». Но утонченность приемов современной историографии не снимает проблему «схематизации» прошлого. По сути, П.М.Бицилли обозначает широкий спектр теоретико-методологических проблем: категориального синтеза, применения «объяснительных схем», понятийного аппарата исторической науки, создания исторического текста и проч. Многие из этих положений получают свое дальнейшее развитие в его фундаментальной работе, написанной уже в эмиграции - «Очерках теории исторической науки» (1925).

«Историографический стержень» - по содержанию ведущих проблемных линий и по форме исполнения (историографические преамбулы, заметки, экскурсии, вставки, рецензии на исторические труды, биоисториографические этюды и проч.), акцент на теоретические вопросы исторического исследования характерны для всех работ П.М.Бицилли этого времени. Даже ворвавшуюся извне проблему социализма он решает в данном ключе: его интересует история социалистических идей, структура и условия «исторического понимания», лежащего в основе «социалистической философии истории». И параллель со средневековьем, сопоставление «средневекового мирозерцания с современным социализмом» - не «дань моде», не «поверхностные» штрихи, не стремление по чисто внешним признакам связать «два явления, безусловно, различной породы»¹⁴, но глубокое проникновение в глубь новой, поставленной самому себе широкой проблемы о типах культуры, мышления, мировидения, исторического сознания и понимания, для которых характерен не только исторический ракурс, но и вневременной, связанный с основными классическими подходами к моделированию истории, с психологическими корнями определенных типов мышления (в данном случае - догматического), с проблемой традиций - сохранением «рудиментов», т.е. приемов и навыков мышления, «нажитых» в культурной среде, давно исчезнувшей, которые «...продолжают влачить посмертное бытие и оказывать воздействие на наше миропонимание...»¹⁵.

Об «Очерках теории исторической науки».

Сербский период в творчестве П.М.Бицилли можно рассматривать как переходный, критический, период переосмысления, концентрации ума и поисков научных ориентиров. Именно в Скопье, в 1920-1922 годы, происходит определенная «кристаллизация

философско-исторического мировоззрения»¹⁶ П.М.Бицилли, его методологических позиций в исследовании исторического и историографического процессов. «Вызов» времени и обстоятельств был принят и П.М.Бицилли предложил свой ответ. Если выделять главный историографический источник, в котором сфокусирован «синтез момента» как проявление «духа» индивидуальной неповторимости Петра Михайловича, то это, бесспорно, «Очерки теории исторической науки» (1925). Именно в этой работе - важнейшей для понимания категориального профиля ученого, П.М.Бицилли наиболее полно и четко выразил свое «мировоззрение» и «мироощущение», именно текст «Очерков» позволяет высветить личностные грани их автора как ученого и человека.

О генеалогии: Работу П.М.Бицилли над «Очерками теории исторической науки» можно разделить на три периода¹⁷. Первый, «одесский» - первоначальный период, который охватывает, приблизительно, 1917-1919 годы. В это время Петр Михайлович, защитив диссертацию (1917), издает свои курсы лекций, пишет новые статьи и книги, разрабатывает новые специальные курсы («Общественные движения в изображении средневековых историков», 1917. 21 с.; «Основы социализма», 1917. 45 с.; «Падение Римской империи», 1919. 104 с.; «Элементы средневековой культуры», 1919. - 157 с.; «История историографии», 1917-1919 и др.), в которых развивает и обобщает уже сложившиеся концептуальные идеи, теоретические построения и методологические подходы. В этот период идет интенсивная творческая работа уже вполне зрелого, профессора

онального мастера, которая осложняется, в первую очередь, внешними факторами, связанными с революционными потрясениями (однако и эти - «вненаучные» - факторы оказывают благотворное влияние на движение его мысли, заставляя обращаться к анализу социалистических идей, к проблеме «революции», к определению типов сознания и проч.). Были ли сделаны в эти годы какие-то специальные «наброски» (не говоря уже о тексте синтетического исследования), которые можно расценивать как первоначальный вариант «Очерков», сказать со всей очевидностью сложно. Не исключено, что в личном архиве ученого находились фрагменты тех или иных сюжетов, вошедших позже в текст «Очерков», но вряд ли можно принять без новых данных предположение о том, что этот труд как самостоятельное произведение был в основном завершен в одесский период.

Во-второй, «сербский период», основной, в процессе работы над «Очерками», можно выделить несколько групп факторов, определивших конфигурацию творчества П.М.Бицилли в это время: 1) профессиональный рост, потребность в саморефлексии ученого и самоидентификации личности; 2) общенаучные факторы - опосредованное влияние ведущих тенденций интеллектуального процесса: парадигмальные сдвиги в науке в целом; поиски новых теоретических ориентиров в гуманитаристике; кризис исторической науки и выдвижение на первый план проблем «исторического синтеза», интердисциплинарности, иных методологических подходов к осмыслению прошлого и проч.; 3) социокультурные факторы общего порядка - революционный процесс в европейском масштабе, трансформация геополитической картины и др.; 4) радикальное изменение структуры «сетевых коммуникаций» самого ученого, изменение микросоциума, привычной «среды обитания», условий работы и проч. В 1920-1922 годы, опираясь, в первую очередь, на старый «Запас» (так у П.М.Бицилли. - Т.П.) - исследовательские и дидактические материалы новороссийского этапа, а также приобретенные новые книги - Петр Михайлович пишет основной текст «Очерков». Катализатором в рождении идеи «Очерков», скорее всего, был ситуативный момент: П.М.Бицилли, определявший себя в качестве профессионала-медиевиста («всеобщника»), в силу обстоятельств был «отлучен» от своей специфической источниковедческой базы. Он не мог «писать историю», т.е. работать по средневековой проблематике, но его «Запас» включал, вероятно, и историографические источники - сами книги (можно допустить, что П.М.Бицилли вывез из Одессы часть своей библиотеки), в том числе, разумеется, собственные опубликованные труды (об этом совершенно четко сказано в письме к П.П.Кондакову от 28 марта 1920 года)¹⁸. Именно это обстоятельство заставило его сконцентрироваться на отнюдь не новом для него направлении - проблемах эпистемологии истории, эволюции историзма в форме уже для него привычной по предыдущим годам: историографический анализ теоретических вопросов истории. Осень 1922 года и 1923 год — настойчивые попытки опубликовать книгу: завершение работы над рукописью и передача ее А.В.Флоровскому, в

издательство и проч.

Последний, третий - «болгарский период» (1924), завершающий. Рукопись уже в работе издательства «Пламя»; П.М.Бицилли создает приложение к «Очеркам», получив (в связи с переездом в Софию и став профессором Софийского университета) доступ к библиотечным фондам и, таким образом, к новым публикациям, и проводит обычную при издании книги работу.

О проблемах и источниках: Проблема исторического синтеза, поставленная еще Карлом Лампрехтом, главой школы культурно-исторического синтеза в Лейпцигском университете (1890-е гг.), а на рубеже XIX-XX веков в иной модификации остро выдвинутая Анри Берром, основателем «Международного центра синтеза» (1900 г.), вышла как одна из ведущих в историографии нарождающегося нового столетия и составила, по определению самого автора, «главное содержание» книги. Решение проблемы исторического синтеза П.М.Бицилли осуществляет в контексте анализа основных направлений исторической мысли в Европе, эволюции исторического понимания и «воспроизведения» прошлого.

Свою работу П.М.Бицилли рассматривает в ключе трудов по истории историографии. Термин «историография» в соответствии с общеевропейской традицией, истоки которой в XVIII веке, он употребляет как синоним исторической науки. «История историографии» для него — это история исторической науки, процесс исторического познания, который неразрывно связан с теоретическим осмыслением истории, с совершенствованием методологии исторических исследований¹⁹.

В фокусе его интересов — вопросы становления исторической науки, ее статуса, границ ее поз

навательных возможностей, развития ее рефлексивных составляющих, взаимодействия с иными формами постижения истории; типологии исторического понимания; «воспроизведения» исторической действительности.

Историографическими источниками для данной книги стали как классические произведения, начиная от Геродота и Фукидида, так и новейшие (начало XX века) труды европейских исследователей (включая и Россию) по истории, философии, социологии, истории искусств, литературы, науки и проч. Более ста пятидесяти имен - знаменитых ученых и мыслителей, малоизвестных, но привлечших внимание П.М.Бицилли, «вошли» в страницы «Очерков».

Особенностью подхода Петра Михайловича к анализу идей своих предшественников и современников является научная корректность и одновременно творческая независимость от пиетета к историографической репутации. Для него исключено «слепое» следование за признанными традициями. П.М.Бицилли не «цитирует», но досконально разбирает концепцию любого автора, выделяя со своей точки зрения важное, значительное, созвучное его убеждениям, и, вместе с тем, жестко критикуя те положения, в которых видит противоречия, алогичность, недоказательность. «Критики» не избежали даже такие, почитаемые П.М.Бицилли, личности, как Г.В.Ф.Гегель, Э.Трельч, В.Дильтей, М.Вебер, Б.Кроче, А.Бергсон. Для него не существует «магии» авторитета. Эта черта была присуща Петру Михайловичу еще в период его академической «молодости». Приват-доцент провинциального университета начинает свою публикаторскую деятельность с достаточно резких рецензий на книги известных ученых в западной и российской историографии²⁰.

Противник теорий «прогресса» (в любой модификации), П.М.Бицилли «свободно» общается с творцами и их идеями, не нарушая и не игнорируя, при этом, специфику эпох, «духа» и «стиля» конкретных периодов. Своеобразием индивидуального почерка Бицилли-ученого является его обращение к разным видам познавательной деятельности — научному и «ненаучному», к различным формам постижения истории - исследовательским работам, произведениям искусства, литературным шедеврам.

Имена Гомера, Вергилия, Данте, Джотто, Петрарки, Микельанджело, Бокаччо, Вазари, Шекспира, Расина, Моцарта, Гете, Делакруа, Шатобриана, В. Скотта, Вагнера, Золя, Киплинга, А.Франса, Аксакова, Толстого, Блока, Бальмонта, Чехова и др. звучат не менее часто, нежели имена Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Августина, Иоахима Флорского, Лютера, Лейбница, Вольфа, Вико, Монтескье, Тюрго, Вольтера, Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте, Юма, О.Конта, Ницше, Маркса, Шпенглера, Бергсона и проч. или имена Плутарха, Ливия, Тацита, Бодена, Салутати, Гвичардини, Макиавелли, Тьерри, Гизо, Ранке, Мишле, Тэна, Моммзена, Риккерта, Дильтея, Буркхардта, Лампрехта, Макса Вебера, Кроче, Миллюкова, Павлова-Сильванского, Карсавина и т.п.

Вместе с тем, вызывает недоумение отсутствие в этом «параде имен» таких крупнейших специалистов в области европейской медиевистики и новистики, как

представители «русской исторической школы» - П.Г.Виноградов, Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский; российских «первопроходцев» в области исторической эпистемологии - Р.Ю.Виппера, А.С.Лаппо- Данилевского и др.

О стиле: Т.Н.Галчева, отталкиваясь от ценнейших наблюдений А.А.Кизеветтера, сформулированных им в рецензии на «Очерки теории исторической науки», обратила внимание на особенность стиля мышления П.М.Бицилли, определив его как «парадоксальный» и «антиномичный», и на его «специфическую манеру изложения авторского мнения». Петр Михайлович, замечает Т.Н.Галчева, часто соединяет противоречивые понятия - «наука» и «интуиция», «индивид» и «общество», либо сознательно использует «элемент противопоставления» в терминах, ранее не рассматривавшихся с точки зрения их оппозиции - «цивилизация» и «культура» и т.п. В системе взглядов П.М.Бицилли такое расположение оппозиционных понятий, считает Т.Н.Галчева, предстает «структурообразующей моделью», которую не всегда можно безоговорочно принять, но с позиций логики внутреннего развития ее, безусловно, следует признать функциональной²¹.

А.А.Кизеветтер первым обратил внимание на литературные приемы П.М.Бицилли, его стиль изложения мысли, его текст - достаточно сложный, который, если и превращает процесс чтения в удовольствие, то это удовольствие «рождается» в результате значительных усилий, предпринимаемых читателем для того, чтобы понять генезис взглядов и исторических аналогий автора. П.М.Бицилли «... не стремится к упрощению пос-

тавленной проблемы, — пишет А.А.Кизеветтер, — а напротив, старается охватить ее во всей ее сложности и сам же тщательно отмечает много-различные трудности, встающие на пути ее разрешения»²².

Этот «стиль» («вызывающая манера» по Т.Н.Галчевой), затрудняющий непосредственно воспринять и основную тему книги, и круг проблем, сквозь призму которых она предстает, и метод их логического построения, и систему аргументации автора, действительно вызывает определенное «неприятие», которое позволило другому рецензенту - Д.И.Чижевскому, известному украинскому философу-эмигранту, выделить, с его точки зрения, основной недостаток работы: стиль Бицилли - «вулканический», а книга - написана «неизвестно для кого». Правда, здесь же, перечисляя возможные типы «аудитории», на которые может быть сориентировано конкретное произведение, Д.И.Чижевский обозначил один из них - книга, написанная для самого автора²³.

«Очерки» - труд «знаковый», создававшийся Петром Михайловичем, в первую очередь, действительно, для самого себя. Текст больше напоминает поток мышления — стенографию мыслей, переплетение которых подчас предстает квантитативным (термин, часто употребляемый П.М.Бицилли) нарастанием все новых и новых идей, рождающихся в процессе мучительных раздумий над вопросами: как изучать историю и как писать историю? - вот главная тема книги. В этой работе и по ее структуре с оригинальными «экскурсами», и по литературному «почерку» нет привычной строгости монографического изложения. Линии одной темы, разветвляясь, создают дополнительные узоры, возникающие от развертывания мысли; сформулированное, казалось бы, в завершеном виде положение подвергается, вдруг, критике и взрывается изнутри новыми пассажами, рождающими сомнение в уже логически завершеном дискурсе. Это - не монолог автора, он лишь «ведет» означенную им тему в многоголосном хорале, подхватывая нужные ему

- близкие ему по «духу» - мелодии и, восприняв их (не без коррекции, не прямо, а «пропустив» через свое критическое начало), получив от них новый творческий импульс, предлагает очередную аранжировку главной темы.

«Очерки» - труд «знаковый», ибо он ориентирован (впрочем, как и большинство других работ П.М.Бицилли) на четко очерченную аудиторию: это сообщество единомышленников, профессионалов, со значительным удельным весом рефлексивной компоненты, которым нет необходимости «объяснять» очевидно хрестоматийные истины, которые владеют широким диапазоном специально-научных знаний и обладают глубочайшим пониманием общекультурного наследия. С ранних лет своей творческой деятельности П.М.Бицилли игнорировал различного рода трафареты и общепринятые шаблоны, форма построения его работ настораживала даже неординарно мыслящих ученых (например, И.М.Гревса). Поставив самому себе «широкую проблему», он решал ее не отвлеченными рассуждениями, но обращаясь «вглубь первоисточников», на широком источни-ковом материале (в данном случае - на материале историографических источников), свободно

дискутируя с современниками и давно ушедшими: ведь в бесконечно длительно длящемся потоке исторической жизни нет конкретного времени, этой очередной конструкции, по Бицилли, человеческого разума. Человек «тонкой душевной структуры» (по воспоминаниям его зятя - князя А.П.Мещерского)²⁴, П.М.Бицилли рассчитывал на тот тип «нового исторического понимания», с которым он связывал самую перспективную, по его убеждению, тенденцию современного ему этапа историографического развития, и которое должно было объединить новое поколение историков: к ним были обращены его слова и мысли.

Для П.М.Бицилли, во-первых, характерна методика многократного подхода к одной и той же проблеме, которая не только варьировалась им в разнообразных ракурсах своего восприятия, но и в обозначениях-«терминологической оболочке». Этот подход к «сотворению» текста обуславливает поиск нитей, связывающих одну мысль, разбросанную в многочисленных смысловых блоках, «выкристаллизацию» этой мысли из параллельных потоков ее многообразного воплощения. Текст П.М.Бицилли нельзя просто «прочитать»: в нем нет привычной логики «последовательности». Его последовательность действительно парадоксальна: ее нужно понять, найти эти связующие нити, неоднократно перечитывая прочитанное и возвращаясь к «пройденному». Кажущаяся «доступность» (своей четкой конфигурацией) «Введения» и заключительной части - обманчива, хронологический стержень глав - относителен, «экскурсы» - как «потусторонние» эссе...

Во-вторых, «антиномичность» П.М.Бицилли выражалась в свойственной ему определенной «биполярной установке» мировосприятия, кото

рая накладывала отпечаток на его теоретические построения (по крайней мере, при написании «Очерков теории исторической науки»). Понятие «биполярность» было введено учеником З.Фрейда (с которым он позже разошелся) — В.Штекелем для обозначения особенностей психической деятельности, в основе которой - соединение противоположных - полярных - понятий (ненависть - любовь, страх - влечение и т.п.). Это - некая двойственность противоположных чувств, для обозначения которой в т.н. «ортодоксальной школе» З.Фрейда утвердился иной термин - «амбивалентность», получивший более широкое распространение благодаря авторитету основоположника «школы» (позже это понятие было заимствовано Р.Мертоном при подготовки его второй версии работы об этосе науки «Амбивалентность ученого», 1965). Однако второе понятие, «родом» из химии, лишь акцентирует внимание на свойстве «двойственности», но не заостряет сущность «двойных чувств» - они всегда «полярны» и представляют собой «пару противоположностей». Сам З.Фрейд впоследствии предполагал, что, по-видимому, благодаря биполярности «из равновесной монотонности безжизненного возникла жизнь»²⁵.

П.М.Бицилли, определяя сегменты исторического знания, «строит» своеобразный биполярный мир понятий: он выделяет два «типа» историков - тех, кто выявляет каузальность истории, и «прогрессистов»; два «подхода» к изучению исторического материала - «генетический» и «эстетико-индивидуализирующий»; два «вида» анализа - «историческую динамику» и «историческую статику»; два «образа» истории и, соответственно, две «формы» ее постижения - «царство необходимости» и «царство свободы», «механическую эволюцию» и «творческую эволюцию»; два «метода» исторического познания - рационально-дискурсивное и историческую интуицию; два «типа» исторического понимания и две «стадии» в его развитии - «старое» и «новое», «первую» и «вторую»; две «тенденции» в истории историографии и проч. Даже в тех случаях, когда речь идет о более, чем двух понятиях (три формы постижения мира: философское, научное, художественное; три этапа в развитии исторического понимания и т.п.), П.М.Бицилли либо отбрасывает одно, для него - несущественное, либо строит свои рассуждения на сочетании двух понятий, выводя третье за рамки анализа. Для П.М.Бицилли «два понятия» всегда — полярные, диаметрально противоположные, исключающие друг друга точки зрения, подходы, исследовательские приемы и т.п, но эти «полярности» одновременно неразрывны, они сосуществуют «в одном сознании», находясь в «неустойчивой» и, чаще всего, «бессознательной борьбе», и представляют собой «пределы», границы «коридора» реальной исследовательской практики, в рамках которого «обречена» развиваться («биться») историческая мысль, переходя (в зависимости от множества «привходящих», «посторонних условий») от одного полюса к другому. Можно допустить, что «биполярность» П.М.Бицилли имеет своим истоком своеобразное понимание гегелевской идеи развития. Одновременно для бытия рефлексии историко-культурного и историографического процессов, согласно П.М.Бицилли, характерен «механизм

маятника».

О «влияниях» и «школах». С самого начала и на всем протяжении своей научной деятельности в одесский период П.М.Бицилли оказался слишком самостоятельным. Он формировался как ученый в большей степени по «историографической традиции», поглощая и классику, и все «новинки», приобретая глубочайшие знания в области философии, истории, социологии, истории культуры в целом и постепенно определяя свой собственный путь в науке. Современные исследователи творчества П.М.Бицилли затрудняются квалифицировать не только его дисциплинарную принадлежность, жанровую типологию его работ, но и, главное, — соотнести его с известными научными школами, направлениями, четко обозначить его методологическую платформу. Христо Гандев, болгарский ученик П.М.Бицилли, не без «оговорок» причисляет его к «неогегельянцам». В восприятии В.Т.Пашуто концепция П.М.Бицилли (по «Очеркам теории исторической науки») - «субъективно-идеалистическая», «культурно-типологическая», «восходящая к его дореволюционным трудам». Б.С.Каганович считает, что П.М.Бицилли «всегда оставался на позициях неоидеалистического историзма, связанного с великими именами Дильтея, Вебера и Кроче»²⁶. Восприняв многие идеи, как отмечают практически все бициллиеведы, Петр Михайлович не оказался, тем не менее, в интеллектуальной зависимости: интегрировав их, он сумел поставить новые проблемы, высветить иные пути решения²⁷.

П.М.Бицилли не укладывается в привычные историографические и историко-философские схемы. И не только потому, что он не получил

четко ориентированного «научного воспитания», но и потому, что он сам пришел к собственному видению проблемы «школы» и сформулировал для себя критерии исследовательской независимости. Для П.М.Бицилли понятие «школа»

- слово, которое он часто пишет с заглавной буквы, - объемного содержания. Он рассуждал о «Школе» как масштабной системе образования, которая должна сформироваться в результате революционных преобразований в 1917 году и цель которой - обучение и воспитание нового «культурного человека». «Школа», обучающая Методу

- основной сюжет его вступительной лекции в Софийском университете²⁸. Категория «школы» в контексте проблемы влияния Вождя - Учителя на своих последователей-учеников - содержание его раздумий в сложной, подчас противоречивой, статье «Параллели», опубликованной в 1932 году в журнале «Современные записки» (Париж). Эта работа во многом вобрала в себя предшествующие мысли П.М.Бицилли о сущности и значении «школы» и, одновременно, представила новые, отнюдь неоднозначные идеи²⁹.

П.М.Бицилли интересует вопрос о формах, содержании и последствиях тех отношений, которые складываются между Учителем и Школой. Это, в построениях П.М.Бицилли, - не частная проблема. Поскольку вся «историческая жизнь» по своему содержанию сводится к влиянию человека на человека, считает он, изучение форм влияния Учителя на Школу (Вождя на Массу) должно быть единственной задачей теории исторического процесса. Исследование же «характера» и «значения» подобных влияний должно составлять «основную задачу истории культуры». При этом, поскольку история «влияний», история смены «школ» и «направлений» представляет бесконечное многообразие форм, необходимо исследовать, по мнению П.М.Бицилли, их типологию.

Любое объединение, считает Петр Михайлович, - научная школа, партия, секта - имеет нечто общее: все они основаны на самоотречении, самоограничении и дисциплине. Сам факт «причастности» к какому-нибудь «изму» (например, марксизму и т.п.) всегда «обязывает», а для ученого это означает ограничение собственного исследовательского поиска, что препятствует творческой активности. «Школа» в принципе тяготеет к тому, чтобы сомкнуться вокруг учителя (руководителя, в которого верят и за которым идут его ученики-последователи), создавшего свою доктрину или идеологию (систему идеи, теорию, концепцию). Однако это может привести к тому, что ученики «замкнутся» в учении своего наставника. И чем совершеннее мастерство Учителя, тем более бесплодными могут оказаться его воспитанники. Нередко ближайшие ученики того или иного авторитета, убежден П.М.Бицилли, понимают его значительно хуже, «нежели стоящие поодаль». Более ценным и плодотворным бывает влияние, воспринятое на уровне интуиции, а не исходящее из того, что «прямо высказано учителем». Полноценна только та школа, считает П.М.Бицилли, в которой живет свободная мысль, в которой растет и развивается доктрина, а адепты соответствующих учителей являются «живой связью между ними и миром». Если вся работа «Школы» выполняется «единственно для

нужд Школы», если она обращена всецело на доктрину, если ученики в состоянии перенять только «грамматику» метода и заниматься «подражанием», - школа бесплодна, а ее представители превращаются в комментаторов, глоссаторов или популяризаторов доктрины своего учителя (даже если его учение оказало благотворное, обогащающее мысль, влияние на современников и потомков). Творческая работа над доктриной, напротив, должна «исходить от последней», творческое усвоение идеологии (учения - системы идей) должно заключаться в усвоении «духа» метода, что является самым важным и ценным в любом учении. Стремление к обретению своей, индивидуальной «манеры мастера» на основе интуитивного восприятия «духа» - сущности (т.е. - метода) разнообразных учений мыслителей, влияние которых может быть значительным, - в этом видел П.М.Бицилли задачу ученого.

П.М.Бицилли не успел до эмиграции широко развернуть свою научную деятельность и получить заслуженное признание; в СССР, как ученый-эмигрант, он не мог рассчитывать на популярность; в «русском зарубежье» - жил «на эмигрантской периферии» и не принадлежал к какой-либо группе или партии, «знаменем которой мог бы служить»³⁰.

Позиция «отстраненности» от каких-либо «объединений», научный индивидуализм - это принципиальные, вполне осознанные черты творческого облика Петра Михайловича.

Если современные специалисты затрудняются корректно определить историографическую «нишу» для П.М.Бицилли, то в официальном советском издании эпохи утверждающегося

«Застоя» П.М.Бицилли был квалифицирован как представитель «реакционно-мистического направления», а его книга - «Элементы средневековой культуры» - выступление «воинствующей реакции»³¹. Неприятие П.М.Бицилли «марксизма» и «социализма» («измов»), его вывод о том, что социализм — это эпоха «безраздельного господства догматизма», где место церкви займет пролетариат, и, как следствие этого, - нелицеприятные оценки в «официозной» литературе, естественно, не способствовали широкому включению его трудов в исследовательское поле марксистских историков (и в СССР, и в Болгарии).

Великолепный знаток классического наследия мировой философской и исторической мысли, стремящийся уловить все новейшие тенденции интеллектуального движения, П.М.Бицилли, тем не менее, не соотносил себя с каким-либо определенным течением или конкретной научной школой. Он с большим пиететом писал в «Очерках» о Дж.Вико, Г.В.Ф.Гегеле и Э.Трельче, высказывал явное предпочтение идеям Г.Риккорта, В.Дильтея, Б.Кроче и Дж.Джентиле, А.Бергсона и М.Вебера, не принимал в целом марксизм и различного рода социалистические учения. Однако вне зависимости от личного отношения к той или иной философской системе и исторической концепции, он считал, что любые идеи требуют анализа и изучения и в различных теоретико-методологических построениях можно выявить перспективные для науки тенденции. Известны факты помощи, которую оказывал П.М.Бицилли студентам, интересующимся проблемами социализма в период оккупации Болгарии фашистской Германией. В своих лекционных курсах он всегда старался рассматривать все направления мысли, многообразие философских и социальных учений, не разделяя их по партийно-политическому принципу, ибо считал, что профессиональный историк обязан знать все интеллектуальное достояние культурного процесса³².

Теоретико-методологический синтез П.М.Бицилли - сложно структурирован. Для него основополагающим типом исторического мышления был романтизм - объемное понятие, длящееся в значительном временном диапазоне: от просветительства ХУШ в. до современного ему времени. Главная ценность романтизма как стиля историографического мышления, по мнению П.М.Бицилли, - в его устремленности к индивидуальности, к выявлению неповторимого «духа» эпохи, личности и проч., однако без мистического оттенка, столь распространенного среди многих сторонников романтического историописания. «Романтизм», или «индивидуализм», для П.М.Бицилли - ключ к пониманию «историзма вообще»³³.

Противник номологического образа истории как науки, он четко придерживался ее историографического статуса, подчеркивая необходимость и закономерность ее рационалистического, сциентистского фундамента. Испытывая неудовлетворенность результатами классической историографии XIX века (в первую очередь, в ее позитивистском варианте), постоянно анализируя историографическую практику и выявляя, с его точки зрения, перспективные тенденции в ее развитии, П.М.Бицилли воспринял комплекс новых идей, выдвинутых философской мыслью к началу XX

века. Следуя принципу «реалистичности» в историографии, мировоззрении и мироощущении, он заимствовал у У.Джеймса идею хаотичности мира, в котором постоянно возникает новое и царствует случай, который невозможно охватить целиком и выразить в рамках какой-либо одной логической системы, одним рационально-дискурсивным методом.

Для П.М.Бицилли были привлекательны постулаты «философии жизни» и учение одного из самых ярких ее представителей - В.Дильтея, вобравшее в себя идеи о неразрывной связи исторического бытия и исторического познания, об обусловленности специфики исторического познания структурой исторического мира; о восприятии культуры прошлого как результатов проявления «объективного духа» - тезисом, в какой-то мере предвосхитившим неогегельянцев; о «понимании» как методе интерпретации отдельных моментов целостной душевно-духовной жизни реконструируемой эпохи и проч. Изучая труды Б.Кроче, П.М.Бицилли утвердился в идее главной формулы неогегельянцев («жизнь» - «движение духа»); воспринял его мысли о примате практики над теорией (в области истории - примат историографической, исследовательской практики над теоретическими построениями), о сочетании эстетики (интуиции) и логики (понятия) в теории, об эстетической компоненте историографии; тезис о том, что историческое знание организовано системой ценностей историка, а «мертвая хроника» событий - только подготовительный материал, а не сама наука и проч. Значительное влияние на взгляды П.М.Бицилли оказал А.Бергсон; истоки его учения - в философии Платона, Шеллинга,

Шопенгауэра, на труды которых часто ссылался и П.М.Бицилли. Для Петра Михайловича привлекательны были идеи А.Бергсона о категории «длительности», формы которой - материя, время, движение - выступали как ее проявления в человеческом представлении и в рациональных научных схемах; об интуиции как методе непосредственного постижения «длительности», в результате чего познание совпадает с действительностью, а субъект сливается с объектом. У него же П.М.Бицилли заимствовал понятие «творческой эволюции» («Творческая эволюция», 1907).

Особую роль в теоретико-методологических построениях П.М.Бицилли играла категория «интуиции». Стронник индивидуалистического подхода к истории, П.М.Бицилли воспринял интуитивизм как методологический принцип, в основе которого - признание единства реальной жизни и сознания и утверждение возможности внерациональной рефлексии, созерцание общего в конкретном - единичном, в индивидуальном акте творческого установления «живой» взаимосвязи сознания и мировой целостности.

П.М.Бицилли акцентировал мысль о том, что в своих лучших образцах историография была основана на интуитивном постижении мира, опираясь на факты наличия различных форм интуитивного познания в разнообразных философских системах: у Сократа (интуитивное, целостное «познание себя»), Платона (интуиция как одна из ступеней восхождения к знанию абсолютного блага) и др. Интуитивизм не был чужд и классической метафизике: универсальные построения Гегеля, Фихте, Шеллинга основывались на фундаментальных интуициях, которые затем проецировались в рациональных систематизациях, приобретающих форму научно-теоретического дискурса, и получали свое категориальное оформление. На рубеже XIX - XX веков, в эпоху методологической критики классического рационализма со стороны новых модификаций иррационалистических направлений (в частности, «философии жизни»), интуиция была противопоставлена так называемому «одностороннему», «узкому» рационализму, аналогично тому, как индивидуально-личностное «чувствование» самой жизни противопоставлялось объективированному, абстрактно-категориальному знанию. Наиболее ярко интуитивизм как основополагающий гносеологический принцип получил свое выражение у А.Бергсона, для которого интуитивное познание выступало логическим результатом эволюции жизненных форм. В этом смысле интуиция рассматривалась в качестве методологического инструмента культурного познания - синтез инстинктивно-бессознательного познания (как основы жизнедеятельности животных форм) с рационально-научным, последовательно-дискурсивным, аналитическим знанием (характерным для «человеческой ветви эволюции»). В такой трактовке интуитивизм оказывался не только важнейшим компонентом сферы культуры и теории, но и определяющим фактором дальнейшей эволюции жизни в ее наиболее развитых и лабильных формах. Сохранение же господствующих естественнонаучных, т.е. - сугубо аналитических форм мышления, «узкого

рационализма» культуры представлялось тупиковой формой эволюции. Став органической частью новой рационалистической традиции в философии Э.Гуссерля, основателя феноменологической школы, интуитивизм трансформировался в учение об «идеации», т.е. о «сущностном видении» феноменального в его собственных пределах, получив свое дифференцированное выражение в т.н. «интеллектуальном типе» интуиции³⁴. Пожалуй, развитие «образа» интуиции в размышлениях П.М.Бицилли в большей мере было устремлено по этому пути...

Все эти, намеченные пунктирно, идеи не были восприняты П.М.Бицилли как нечто непреложное и полностью тождественное авторским протографам, напротив, практически все положения получали его собственную интерпретацию, приобретая индивидуальное видение и творчески самобытную форму. В попытке малопродуктивного поиска «ниши» для П.М.Бицилли его теоретико-методологическое кредо можно очертить подвижно-относительными границами: идиографизм, интуитивизм, неогегельянство, «культурно-историческая монадология» (и вряд ли в этом «перечне» следует ставить точку)...

Ремарка заключающая. Последующий анализ многогранного творчества П.М.Бицилли - полидисциплинарного по своему диапазону и интердисциплинарного в подходе к постижению исторической реальности - представителями разных областей гуманитаристики позволит со временем выйти на первый рубеж его синтетического восприятия. Детальное исследование специфики трех основных периодов творческой деятельности П.М.Бицилли - одесского, сербского и болгарского - даст возможность выявить эволюцию его научных позиций, своеобразие каждого из этапов и их особую роль (как «синтезов «момента») в

сотворении столь индивидуально неповторимой целостности как «мир Петра Михайловича Бицилли».

На наш взгляд, «мировоззрение» и «мировосприятие» П.М.Бицилли в своих основных чертах сложились уже в одесский период. «Культурологическая направленность» его трудов совершенно отчетливо была заявлена (и объективно-содержательно, и в самооценке автора) в исследованиях 1914-1919 годов. И такой же «знаковой» как работа «Очерки теории исторической науки» для сербского периода (а, возможно, и шире - для периода эмиграции) стала в одесский период работа «Элементы средневековой культуры» (1919). Замысел этой книги, по признанию самого П.М.Бицилли, созрел в результате (ив процессе) его работы над конкретными проблемами средневековой культуры³⁵. В этом труде, созданном в процессе первого «витка» глубокого осмысления себя и окружающего мира в ситуации потрясений, надежд и крушения идеалов, П.М.Бицилли уже достаточно прочно стоял на тех позициях, которые были детально и пространно изложены в «Очерках теории исторической науки» в соответствии со спецификой этой работы - теоретической, основанной на историографическом методе.

Все, что было наработано ранее в Одессе, - состоявшаяся культурологическая и междисциплинарная направленность исследований; рецензирование как средство интеллектуального заряда для внутреннего диалога и дискуссии, для открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества; освоение огромнейшего массива разнообразных историографических традиций; «индивидуальный почерк» (стиль изложения мысли и «манера письма») - все это получило свое дальнейшее развитие в систематизации теоретических построений и в расширении исследовательской проблематики.

К началу 1920-х годов профессиональная зрелость П.М.Бицилли и его научная индивидуальность были отчетливо выражены в осознанной рефлексивной позиции, проецируемой через взаимосвязь теоретических и историографических аспектов его исследовательского подхода. История Метода (в широком значении этого понятия) стала главным объектом познавательной деятельности ученого-историка. И все последующее многогранное творчество П.М.Бицилли, в какой бы области он не работал - филологической, социологической, философской и проч. - было пронизано чувством историзма и стремлением понять интеллектуальный процесс через проникновение в механизм производства и изображения Мысли.

Петр Михайлович в письме к А.В.Флоровскому назвал вынужденную эмиграцию - «исходом»³⁶. «Исход» - это спасение, путь к свободе, к реализации своей миссии - народа, личности. Стала ли эмиграция для П.М.Бицилли, как и для других его соратников, вольно или невольно оказавшихся за рубежом, вдали от родины, - действительно «исходом»? Затруднительно однозначно ответить на этот вопрос. Во всяком случае, «чужая земля» позволила этой незаурядной личности совершить свой «творческий акт».

Большую часть жизни эмиграции П.М.Бицилли

провел в Болгарии (1924-1953) и по праву вошел в ее историографию. Многие крупные историки Болгарии учились у П.М.Бицилли, ординарного профессора историко-филологического факультета Софийского университета, и сохранили о нем добрую память. По их воспоминаниям, Петра Михайловича отличала «широкая историческая культура», он был «отличным преподавателем», «демократом со студентами», «ученым огромной научной эрудиции, исследователем с очень широкими интересами», антифашистом по своим убеждениям³⁷.

Современные болгарские исследователи высоко оценивают вклад П.М.Бицилли в болгарскую историографию. По мнению М.Велевой, П.М.Бицилли, во-первых, является основоположником нового подхода к изучению исторического процесса - культурологического; во-вторых, именно он обратил внимание на необходимость разработки теоретико-методологических проблем исторической науки, на формирование собственного теоретического уровня исторического знания; в-третьих, его заслуга - в воспитании новой генерации болгарских историков³⁸.

В свое время Стефан Цвейг, создавая цикл «Строители мира», разделил своих героев на «эпиков», создавших в своих романах «вторую действительность» наряду с существующей; демонических «мятежников и бунтовщиков» и, наконец, тех, в творчестве которых господствовал дух самовыражения. Именно к последним, на наш взгляд, может быть причислен Петр Михайлович Бицилли, чья жизнь не была насыщена бурными событиями, «источником» которых был бы сам ученый. Напротив, все свидетельствует о его склонности к «камерной» обстановке - любимое

занятие и любимые люди рядом. И только в его книгах, статьях, эссе - кипит, бушует, ломает традиции, созидает его внутренняя, глубоко запрятанная пассионарность... Петр Михайлович Бицилли - своей личностью, творчеством и судьбой неразрывно связал Болгарию, Россию, Сербию и Украину. Его наследие - ученого и человека - раздвигает национальные границы: оно принадлежит всему интеллектуальному сообществу. Будет ли «нынешняя реанимация идей» П.М.Бицилли только «очередным маятникообразным движением культурной памяти», для которой характерно «помнить, забывая», или мы действительно являемся свидетелями участия институционального процесса нового направления - **бициллиеведения** - зависит от самих его репрезентантов, от осознания ими стратегии нового этапа в «приближении к Бицилли» - необходимости «глубокого и специализированного монографического изучения» его творчества «представителями различных гуманитарных наук»³⁹ с целью выхода на более высокий уровень «постижения Бицилли».

1. Галчева Т.Н. П.М.Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. – Том первый. – София, 1993. – С. 15.
2. Самая полная на сегодняшний день библиография см.: Горяинов А.Н., Бирман М.А. Библиография опубликованных работ П.М.Бицилли и литература о нем, 1912-2003. Труды П.М.Бицилли // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. – М., 2006. – С.733-778.
3. В 1999 г. на базе исторического факультета Одесского национального университета им. И.И.Мечникова были проведены Историкографические Чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М.Бицилли (председатель Оргкомитета – профессор В.Н.Станко, заместитель председателя Оргкомитета – Т.Н.Попова). См. об этом: Зленко Г. Историкографические чтения // Вечерняя Одесса. – 1999. – 25 декабря; I.В.Максименко, В.М.Хмарський. Історіографічні читання // Записки історичного факультету. – Одеса, 1999. – Вип.9. – С.319-322; Бачинська О. Історіографічні читання // Записки історичного факультету. – Одеса, 2000. – Вип. 10. – С.301-303.
4. X Международная научная конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г. [Програма]. – Одеса, 2007. – С.9-10. См. об этом:

- Український історичний журнал. – 2008. – №1. – 228-229; Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 3. Част. 1. – Київ, 2008. – С.389-423.
5. Об историографии бициллиеведения см.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли – София, 2004; Бирман М.А. П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. – С.633-718; Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. – Санкт-Петербург, 2007. – С.213-214; Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007. – С.328-339; Шумейко Д.А. П.М.Бицилли в болгарской историографии // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. – Вып.5. – Брянск, 2003. – С.58-66 и др.
6. См.: Гандев Хр. Петър Михайлович Бицилли (по случай 100 години от рождението му) // Векове. – 1980. – № 2; Галчева Т.Н. П.М.Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. – Том первый. – София, 1993; Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. – София, 2004; Вомперский В.П. Петр Михайлович Бицилли: жизненный и творческий путь // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. – М., 1996. – С.6-21; Бирман М.А. П.М.Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. – 1997. – № 4. – С.61; Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. – Санкт-Петербург, 2007. – С.176-177, 212 и др.
7. Вряд ли можно согласиться с данным утверждением. См.: Нерознак В.П. Петр Бицилли – еще одно возвращение на родину // Вестник Российской Академии наук. – 1994. – Том. 64. – № 6. – С. 524.
8. См.: Евгений Николаевич Щепкин (1860 – 1920): Биобиблиографический указатель / Одесский государственный университет имени И.И.Мечникова. Научная библиотека: Сост.: И.В.Максименко, В.В.Самодурова; Научн. ред. Т.Н.Попова; Авторы вступ. ст. И.В.Максименко, Т.Н.Попова. – Одесса, 1998. (Серия «Биобиблиография ученых университета; Выпуск: Историки»). – 129 с.
9. Бицилли П.] Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н.Щепкина // Одесский листок. – 1916. – 6 января.
10. См.: Щепкин Е.Н. Методология. Идея психологии народов (Лекции), – Одесса, 1904; Он же. Вопросы методологии истории (Краткая обработка курса лекций). – Одесса, 1905.
11. Одесский листок. – 1916. – 6 января.
12. Там же.
13. ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Д. 1119. – Л. 21-21 а. См. подробнее: Шумейко Д. Е.Н. Щепкин о П.М.Бицилли

- // Каразінські читання (історичні науки): Матеріали міжнародної наукової конференції 25 квітня 2008 р. – Харків, 2008. – С.320-322.
14. Гревс И.М. Лик и душа средневековья (По поводу вновь вышедших русских трудов) // *Анналы*. – 1922. – № 1. – С. 40.
15. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 201.
16. См.: Бирман М.А. П.М.Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923 годы) // *Славяноведение*. – 2005. – № 4. – С.87; Каганович Б.С. П.М.Бицилли как историк культуры // *Одиссей. Человек в истории*. 1993. – М., 1994. – С.266.
17. Первым гипотезу о трех этапах (в рамках семи-восьми лет) подготовки и издания «Очерков теории исторической науки» выдвинул и обосновал М.А.Бирман. См.: Бирман М.А. П.М.Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923 годы). – С.87-88.
18. См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли – София, 2004. – С. 44. Весьма важным в этом плане представляется анализ фондов личной библиотеки П.М.Бицилли. См. об этом: Бицилли П.М. Статьи: История. Культура. Литература [Вступительная статья В.А.Туниманова] // *Русская литература*. – 1990. – № 2. – С.138.
19. См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага, 1925. – С.12, 33, 260, 315.
20. См.: Бицилли П. Трельс-Лунд. Небо и мировоззрение в круговороте времен // *Известия Одесского библиографического общества*. – Одесса. – 1913. – Т.П. – Вып. 1. – С.11-14; Он же. Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915 // Там же. – 1915. – Т. IV. – Вып. 3. – С. 206-208; Он же. Л.Карсавин. Монашество в Средние века. СПб., 1912. Л.Карсавин. Очерки религиозной жизни в Италии ХП-ХШ веков. СПб., 1912 // Там же. – Одесса. – 1913. – Т.П. – Вып. 4. – С. 162-170; Он же. Новое историко-литературное направление // Там же. – 1914. – Т. Ш. – Вып. 2. – С. 93-102.
21. См.: Галчева Т.Н. П.М.Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. – Том первый. – София, 1993. – С.32-33.
22. Кизеветтер А. Об «Очерках теории исторической науки» П.М.Бицилли. Прага, 1925 // *Руль*. – 1925. – 25 февраля. – Берлин. – У1. – № 1286. Цит. по: Галчева Т.Н. П.М.Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. – Том первый. – София, 1993. – С.33.
23. Чижевский Д.И. [Рецензия] // *Современные записки*. – 1929. – № 39. – С. 542-547. Цит. по: Галчева Т.Н. П.М.Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. – Том первый. – София, 1993. – С.33.
24. См.: *Русская литература*. – 1990. – № 2. – С.136.
25. См.: Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа / Пер. с немецкого М. Рейснера. Л., 1925. – Ленинград, 1991 [Репринтное издание] – С. 187-188.
26. См.: Гандев Хр. Петър Михайлович Бицилли (по случай 100 години от рождението му) // *Векове*. – 1980. – № 2. – С. 71; Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли – София, 2004. – С.111-112; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1991. – С. 89; Каганович Б.С. П.М.Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Санкт-Петербург, 1995. – С. ХХП-ХХШ.
27. См.: Дочев Д. Пётр Михайлович Бицилли // Бицилли П.М. Европейската культура и Ренесансът. Избрани студии. – София, 1994. – С. 19.
28. См.: Демократия и школа // *Одесские новости*. – 1918. – 24 (11) февраля; Профессор П.Бицилли. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // *Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факультет*. – 1924. – Т. XX.
29. См.: Бицилли П.М. Параллели // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. – Том первый. – София, 1993. – С. 211-216.
30. См.: Каганович Б.С. П.М.Бицилли и культура Ренессанса // Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. – Санкт-Петербург, 1996. – С. УП-УШ.
31. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1966. – Т.4. – С. 594, 598.
32. См.: Исторически преглед. – Година 9. – София, 1953. – Книга пета (5). – С. 560-561; Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли – София, 2004. – С. 153-154.
33. См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага, 1925. – С.112.
34. См.: Джеймс У. Прагматизм. – СПб., 1910; Он же. Вселенная с плюрастической точки зрения. – М., 1911; Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // *Новые идеи в философии*. – СПб., 1912. – № 1 и др.; Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998; Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Собрание сочинений / Пер. с нем. – М., 1994. – Т.1.
35. См.: Бицилли П.М. Предисловие // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Одесса, 1919. – С.1.
36. Архив Российской Академии наук. – Ф. 1609.

– Оп. 2. – Д. 140. – Л. 2. См. подробнее: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. – С.327-452 (Раздел «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: «Исход» и возвращение»).

37. См.: Исторически преглед. – Година 9. – София, 1953. – Книга пета (5). – С. 560-561.

38. См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли – София, 2004. – С. 155-156.

39. См.: Петкова Г. Литературоведческий проект П.М.Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции) // http://liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt_ru.htm; Бирман М.А. П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. – М., 2006. – С.718.